

ИРИНА ЛАЧИНА: «МЫ С МУЖЕМ СТАЛИ ЕДИНЫМ СУЩЕСТВОМ»

Семь дней —
2003 — 14-20
апр. — с. 60-65

— Ирина, побывав в образе разных леди, почему вы не стали еще и «леди Мэром»?

— Решила: хватит! А то ведь так и до президента можно дойти! Если серьезно, то я слишком поздно получила предложение сниматься: мой рабочий график был уже сверстан. Я не могла уехать на четыре месяца в Киев и вынуждена была отказаться. Я же, снимаясь в это время в сериале «Лучший город земли» (продолжение «Московских окон». — *Ред.*), с удовольствием окунулась в атмосферу 70-х годов. Это период моего детства, которое я всегда вспоминаю с нежностью.

— Кстати, именно в 70-е, после фильма «Табор уходит в небо» за вашей мамой Светланой Тома, сыгравшей Раду, закрепилась слава «главной цыганки страны». Цыгане скупали все билеты в кинотеатры, а режиссеры уже не видели ее в других ролях. Вы не боитесь остаться на всю жизнь «леди Бомж»?

— Надеюсь, у меня будут и более яркие роли и я не останусь в памяти зрителей только бомжом. Хотя пример многих актеров, в том числе мамы, доказывает, что иногда персонаж сильно довлеет над актером. Мама стала заложницей своего образа: режиссеры видели ее только в ролях роковых красавиц, а она — очень хорошая характерная актриса.

После «Леди Бомж» и «Леди Босс» меня тоже ассоциировали с моими героинями. Как-то я ловила попутку, чтобы добраться до «Мосфильма». Увидев меня, водитель удивился: «Ой! А где ж ваш «мерс»?» — «Какой «мерс»?» — «Ну, как? Это же вы... леди Босс?» Я попыталась объяснить, что я актриса. Но он погрузился: «Ну вот! А я только начал радоваться, что у кого-то жизнь налаживается...» И такое в его голосе было разочарование!.. Другие просто подходили на улице, хлопали по плечу: «Ну, Лизка, ты даешь! Ну и характер у тебя!» А когда недавно я участвовала в автогонках (о том, что мой водительский стаж к тому времени составлял всего месяц, я никому не говорила), инструктор, сидевший рядом, все время удивлялся: «Ну что это вы осторожничаєте? В кино вы такая бойкая!» И в очередной раз поняв, что нельзя разочаровывать зрителя, я жала педаль газа.

— Почему вы с такой нежностью вспоминаете свое детство? Оно было каким-то особенным?

— Я родилась в доме, который был спроектирован дедушкой и бабушкой. До 14 лет жила с ними в городе Бельцы, в Молдавии. Там же ходила в школу. Но все каникулы проводила с мамой — она забирала меня, и мы колесили по городам и странам. У нас был большой дом, где кроме меня и бабушки с дедушкой жила семья маминой сестры Фалины. А рядом с домом был огромный сад, который снится мне до сих пор. Летом там можно было спать в гамаке, зимой — кататься с ледяной горки, осенью — объедаться грушами, сливами, яблоками. Бабушка была настоя-

В жизни такого не встретишь: чтобы бомж стал боссом. В кино возможно все. И в сериалах «Леди Бомж» и «Леди Босс» Ирина Лачина нам это доказала — несчастная, никому не нужная бомжиха на наших глазах с легкостью перевоплотилась в богатую, стильную, уверенную в себе даму. Такая и мэром могла бы стать...

ТЕТ-А-ТЕТ

ность в маму. И на следующий же день она стала вживаться в роль бабушки. Мне была составлена программа: как жить, что есть... И все-таки для нее это был кошмар: ребенок собирается родить ребенка.

Даже когда на свет появилась Маша, моя мама очень долго не хотела воспринимать меня как мать. Она считала, что я ничего не понимаю, и целый год относилась ко мне так: родила — слава богу, а теперь дай возможность заняться ребенком опытным людям. Первые месяцы я чувствовала себя молочной фабрикой. Все разговоры сводились к тому, сколько я должна давать молока, сколько раз в день, какой жирности и что для этого должна есть. Меня это безумно раздражало: «Мам! Ну, есть ведь еще какие-то интересы...» — «У тебя сейчас нет других интересов, кроме того, как вырастить здорового ребенка». Девять месяцев беременности, когда меня носили на руках и сдували с меня пылинки, истекли. После родов я отошла на второй план, превратившись в придаточный механизм, который должен вовремя цедить молоко, кормить, гулять... Пережить это было безумно тяжело. Олег, как мог, заботился. Приходя из института, заступал на вахту. Памперсы нам были не по карману, и мы вынуждены были делать подгузники «дедовским» способом. Олег стирал пеленки, вставал ночью к Маше, приносил мне ее на кормление...

— *Ира, а как же свадьба? У вас что, ее не было?*

— Штамп в паспорте нам с Олегом был не нужен — он же ничего не решает в отношениях. Тем не менее мы расписались, чтобы у ребенка были нормальные документы. Наша свадьба не была пышной. Присутствовали только близкие друзья. И у меня не было белого платья. Олег обещал, что настоящая свадьба будет. Но прошло уже

12 лет, а мы все никак не соберемся. Может, нам это не очень нужно?... Мы и тогда хотели просто отдать паспорта для регистрации, но потом я опомнилась: «Я же в первый раз выхожу замуж. И, если уж нет платья, пусть хоть будет марш Мендельсона и фотографии». Мы зашли в зал, оркестр заиграл. Перед нами стояла девочка чуть старше меня и безумно смущалась. Запинаясь, она начала свою речь: «Дорогие граждане брачующиеся...» Олег расхохотался, а я сурово посмотрела на него. Мне хотелось соблюсти торжественность. Но он продолжал хохмить, потом сказал: «Да ладно, хватит... Как вас зовут?» Девушка покраснела: «Наташа». Олег подошел к ней: «Где расписываться? Гражданка брачующаяся, идите сюда!» Наташа пыталась возражать: «Вы нарушаете церемонию. Это неправильно». «А у нас все нестандартно», — рассмеялся Олег, и я тоже начала хохотать. Музыканты присоединились к нам, еще раз сыграли марш, хотя не должны были. Мы надели кольца, и Олег позвал Наташу: «Идите к нам, сфотографируемся». Она стояла ни жива ни мертва: «Мне не положено». — «Да перестаньте!»...

Может, оттого что главные события в нашей жизни происходили так легко, мы и живем с Олегом так долго. 12 лет, а ощущение — словно вчера встретились. Мы по-прежнему сидим до утра, и темы для разговоров не иссякают. Став единым существом, мы уже не можем друг без друга. Созваниваемся каждый час. Когда я уезжаю, кажется, что меня разрывают на части. Но Олег всегда найдет время, придет ко мне, да еще и Машу привезет. А большего счастья мне не надо. Я не могу представить себе жизни без него и моего ребенка. Важнее семьи для меня ничего нет.

Татьяна ПЕТРОВА
Фото Алексея ПЕТРОВА

«В 16 лет я поняла, что не надо ничего прогнозировать. Надо просто жить и принимать людей такими, какие они есть. И тогда все будет складываться хорошо»

Ирина Лачина с Борисом Невзоровым и Михаилом Жигаловым в фильме «Леди Бомж»

шей хранительницей очага и умела делать все: шить, вязать, вкусно готовить и при этом оставаться настоящей женщиной. У нее было два высших образования, она знала четыре языка, но посвятила свою жизнь семье. Бабушка была удивительно справедливой, мудрой, ласковой, строгой и очень доброй. Глядя на нее, я понимала, что хочу быть такой же. Она рано вставала, и, когда просыпалась семья, на столе уже ждал завтрак. Мы и просыпались-то от вкусного запаха еды, распространявшегося по всему дому. Дедушка воспитывал меня как мальчишку. Благодаря ему я отлично умею чинить краны, пилить деревья, копать огород, делать ремонт. Чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, как мне их сейчас не хватает. Мне многое позволялось. Когда бабушка пекла пироги, я вставала рядом — тоже в фартуке, с разделочной доской. Засовывала руку по локоть в пакет с мукой и вываливалась в ней с головы до ног. А однажды с невероятным упорством начала отмывать половой тряпкой дорожку перед домом. Однако никто не кричал на меня, не наказывал...

— Неужто вас вообще не за что было ругать?

— Что вы! Иногда я вела себя как законченная эгоистка. Хотела, чтобы все было только по-моему, раздражалась,

когда моя двоюродная сестра Кристина (она на четыре года младше) подражала мне. Я кричала: «Муха-повторюха», бабушка сердилась. Мне говорили, что младшие слабее и им надо уступать. А я не понимала почему. Думала, Кристину любят больше, и страшно ревновала. Обуздать мой своенравный характер не мог никто. Однажды, не желая идти в детский сад, я спряталась во дворе в ящике с газовыми баллонами. Родные обыскали весь дом. Понимая, что сейчас они полезут в ящик, я незаметно выскочила оттуда, пулей влетела в дом и залезла под стул. На нем стояла швейная машинка, с которой свисало огромное покрывало. Я просидела там довольно долго, после чего перепрыгнула в свою детскую кроватку, куда складывали постельное белье, и, забившись к стенке, уснула. Это был ужас! Все решили, будто со мной что-то случилось, бабушке стало плохо, пришлось вызывать «Скорую». Когда я проснулась, в доме пахло лекарствами. И тогда — единственный раз в жизни — дедушка отодрал меня ремнем. Зная, что виновата, я снесла порку молча...

Училась я на удивление хорошо и даже окончила школу с медалью. Но, приходя с уроков, отрывалась как могла. Словом, жила двойной жизнью. (Улыбается.) Мы носились с сестрой по

Ирина (справа) с дочкой Машей, мужем Олегом Будриным, мамой Светланой Тома и отчимом Андреем Вишневым

двору, бегали по гаражам, перелезали через заборы. Я чувствовала себя Маленькой разбойницей из сказки «Снежная королева». Герда была мне неинтересна.

— *Ира, вы ничего не рассказываете о своем отце...*

— Едва начав говорить, я, как и моя мама, стала называть дедушку папой. Но, когда мне исполнилось года четыре, она объяснила, что это неправильно, а на мой резонный вопрос: «Где папа?» — рассказала, что он погиб. Впрочем, отсутствия мужчины в доме я не ощущала — дедушка заменил мне отца. Рассматривая фотографии, я воспринимала папу отстраненно, хотя иногда испытывала острое чувство боли от того, что никогда не смогу поговорить с ним. Если я что-то спрашивала, мама отвечала, но сама не заводила разговоров об отце. Его смерть была для нее тяжелым ударом, воспоминания давались непросто. И даже сейчас, спустя столько лет, рубец остался.

Когда папа погиб, мне было 8 месяцев. Как и мама, Олег Лачин был актером. Они вместе учились в Кишиневе, вместе распределились в тираспольский театр. Там все и случилось... Мама уехала со мной к бабушке в Бельцы, а отец остался дома и однажды решил покататься на моторной лодке. Выехал на середину реки. Но тут на огромной скорости неожиданно вылетел катер на подводных крыльях... Нелепая смерть... Папа был красивым мужчиной, хорошим актером. Мама очень любила его. Но им суждено было прожить вместе меньше трех лет. Такая судьба... А в том, что происходило потом, много мистики.

— *Что вы имеете в виду?*

— Через 17 лет после трагедии в моей жизни появился мужчина, которого, как и папу, зовут Олег. Он похож на моего отца: у него такие же голубые глаза и русые волосы, в нем тоже течет поль-

ская кровь, и он тоже по профессии актер, хотя потом стал заниматься театральным продюсированием. Олег стал моим мужем. Мы оба родились 29 числа. В его день рождения — мой день ангела...

— *А как потом складывалась личная жизнь мамы?*

— Второй раз в своей жизни мама вышла замуж только два года назад. Супруга, как и ее отца, зовут Андрей, он драматург.

— *Она никогда не хотела, чтобы папу вам заменил не дедушка, а кто-то другой?*

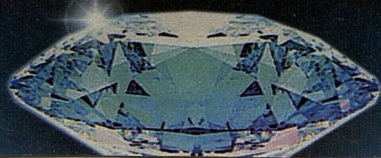
— Нет. Но я всегда чувствовала, что она жертвовала личной жизнью ради меня. В детстве мне это нравилось, а сейчас я все больше осознаю свою вину перед мамой и пытаюсь искупить ее вниманием и любовью. Надеюсь, нынешняя личная жизнь мамы будет складываться счастливо.

— *Так же, как ваша?*

— Мне повезло: в 18 лет я нашла своего человека. Хотя до встречи с Олегом считала, что мой избранник должен обладать такой совокупностью качеств, что... в принципе не понимала, чего хочу. Никто не соответствовал моему идеалу. Даже мужчина, в которого я впервые по-настоящему влюбилась в 16 лет. Тем более что моя влюбленность скоро сменилась жутким разочарованием. Я избавилась от многих иллюзий. И только после этого поняла: не надо ничего прогнозировать, живи как живешь, ничего от людей не требуй и принимай их такими, какие они есть. Именно тогда мне стала ясна нехитрая истина: все, что ни делается, — к лучшему. Это был хороший урок жизни.

— *Но где же вы нашли своего человека?*

— В Театральном училище имени Щукина. Я училась на втором курсе, он (хотя и старше на два года) поступил на первый. Мы попали в одну компанию

БРИЛЛИАНТ КОСМЕТОЛОГИИ

ТЕТ-А-ТЕТ

студентов и вместе ходили в театры. Сначала я обратила внимание на Олега из-за его внешности. Блондин, в яркой куртке и светлых брюках — такого нельзя было не заметить. Потом поняла, что он интересен мне больше, чем все остальные. Вскоре круг театралов сузился. И когда в очередной раз я пришла на наше место встречи, то увидела только Олега. «А где же все?» «Они не смогли», — ответил он.

— Или Олег сделал так, что «они не смогли»?

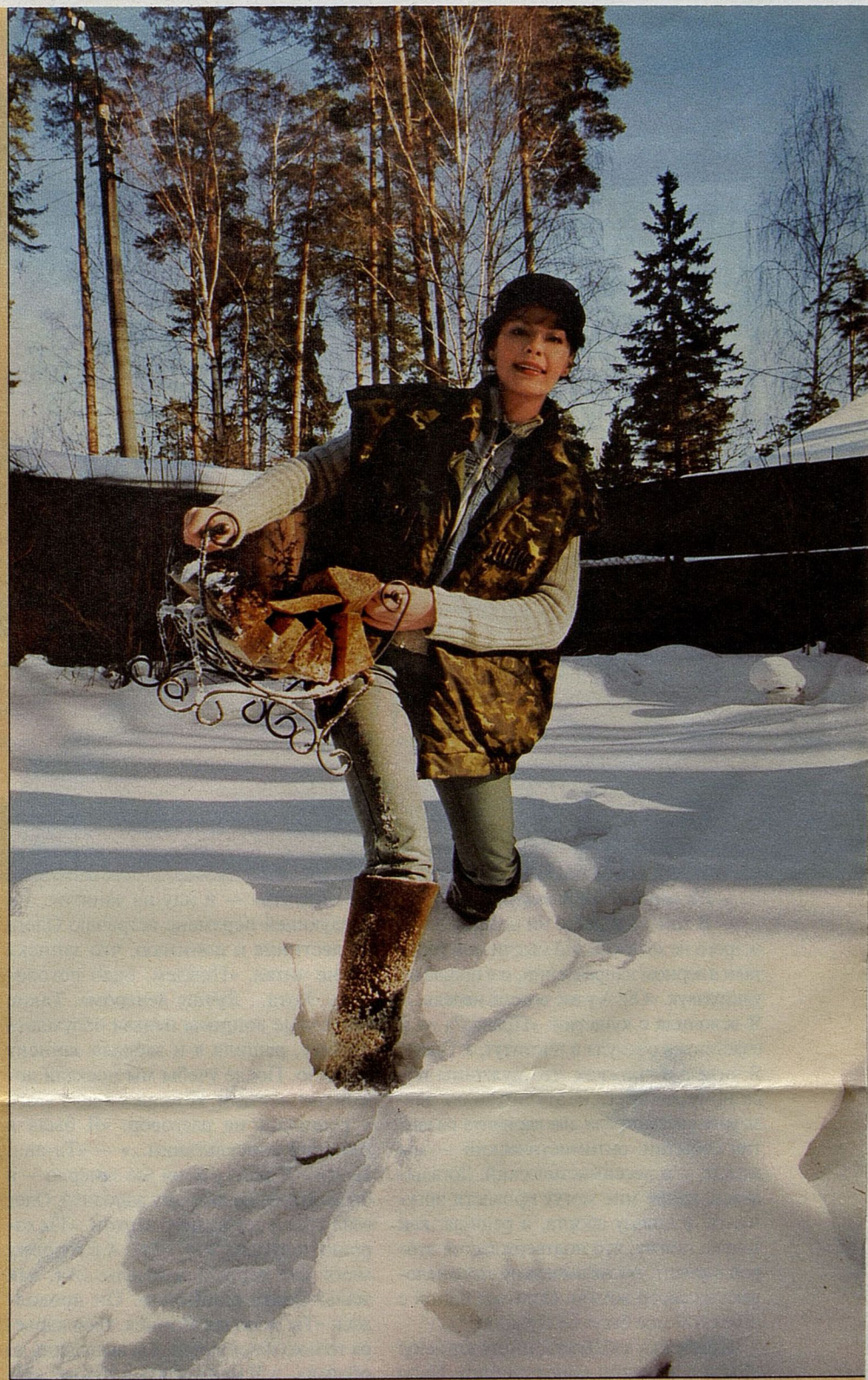
— Наверняка так и было... Мы пошли на спектакль вдвоем, и с тех пор нам никто не был нужен. С нетерпением ждали, когда закончатся лекции, чтобы остаться наедине. В училище на вахте есть стол, на котором студенты оставляют друг другу записки. Мы с Олегом тоже переписывались. А спустя годы я узнала, что он все послания собирал. Наш роман начался в декабре. И, хотя стояли сильные морозы, нам было тепло. Иногда мы гуляли до утра, не чувствовали ни расстояний, ни непогоды... 30 декабря в училище отмечали Новый год. Ближе к полуночи Олег сказал: «Пойдем, я тебе что-то покажу». Мы незаметно выскользнули. Переулками добрались до какого-то дома, поднялись по черной лестнице на крышу. А там еще надстройка. Олег говорит: «Нам — туда»... Я боюсь высоты, но в ту ночь мне не было страшно. Я находилась словно в эйфории. Внизу огнями горела Москва. Мы обнялись, и у меня промелькнула мысль: «Он будет моим мужем». Я так ей удивилась, мы же едва начали встречаться... «Глупость какая!» — решила я. Но много лет спустя, вспоминая о той ночи, Олег признался: «Стоя рядом с тобой, я подумал: «Это моя жена. Боже, как долго я ее искал!»

— Что же было дальше?

— Мы продолжали встречаться... Правда, когда в нашем доме стало слишком часто звучать имя Олег, мама

задала вопрос: «А, собственно, кто он такой?» Я рассказала, что мы ходим в театры, мне безумно с ним интересно, и у нас много общего. Но представлять их друг другу не спешила. Наученная горьким опытом первой влюбленности, я не строила планов. И только однажды, когда мама зашла в училище, ненадолго показала ей Олега. Мы выходили, а он вбегал. Я пихнула маму в бок: «Смотри! Вот он!..» Она вся вывернулась и громко спросила: «Где-е?» И я снова толкнула ее: «Ма-ма! Что ты кричишь?»

Официальное же их знакомство состоялось при весьма драматичных обстоятельствах. Мы с Олегом в очередной раз пошли гулять, и я забыла маме позвонить. Просто забыла о времени. Очнувшись в четыре утра. В ужасе. Бегу к телефону — дома никто не отвечает. Невесело в институт. Нас встречает вахтерша: «Ирочка, звонила ваша мама...» В ту ночь мама поставила на уши все морги, больницы, милицию. Я была готова к заслуженной взбучке. Олег решил ехать со мной. Я отговаривала: «Вы не знакомы. А сейчас — не лучшее время для знакомства»... Но он уже давил на кнопку звонка. Я, съездившись, стояла за его спиной, ожидая скандала. Мама открыла дверь. Повисла пауза. И тут ее будущий зять жизнерадостно объявил: «Здравствуйте, я — Олег». «Ну, проходите, — растерялась она. — Вы, наверное, голодные?»... Вся кухня была заставлена едой. На нервной почве, не зная, чем себя занять, мама начала готовить и в итоге приготовила блюда из всего, что было в холодильнике. Мы устроили сабантуйчик. С той поры за Олегом закрепился официальный статус любимого человека, и, когда мама уезжала на гастроли, он жил у меня. Думаю, она догадывалась, что квартира не пустует. Но мы эту деликатную тему не обсуждали. До тех пор, пока я не почувствовала, что со мной происходит что-то странное.

— *На соленькое потянуло?*

— В том-то и дело: ни соленого, ни острого не хотелось. Но мысли мои работали в верном направлении, и я пошла на ультразвук. «Ой! А у вас восемь недель...» Я вскочила с кушетки: «Правда?» — и счастливая рванула в институт, к Олегу. Я читала в книжках, что мужчины по-разному реагируют на эту ситуацию, и по дороге рассмотрела два варианта развития событий: оптимистический — мы вместе — и пессимистический. Догадываясь, какие мне могут привести аргументы в пользу аборта, я решила: как только пойму, что подтверждается второй вариант, тут же вычеркну этого человека из своей жизни. Остаться одной с ребенком мне было не страшно.

Прибыв в «Шуку», пишу записку: «Была в женской консультации. Надо

поговорить» — и иду на занятия. На следующей перемене встречаю Олега на лестнице и понимаю, что записку он не читал. «Пойдем, надо поговорить. Хотя... Лучше вечером». Такие серьезные вопросы нельзя обсуждать на бегу, решила я и забрала записку обратно. После учебы мы поехали домой, поужинали. И только после этого я решилась на разговор. «Я была в женской консультации...» — «Та-ак... Ну-у...» В душе у меня все замерло — я была готова ко второму варианту. Олег взял стул и сел на него верхом. «Ты хорошо подумала?» — «Да». А в голове у меня уже вертелась мысль: «Ах, как жал!.. Опять ошиблась». Он продолжал: «Ты молодая актриса, твоя карьера только начинается. Ты выпадешь из обоймы...» У меня опять в голове: «Ну

почему? За что?» Когда Олег еще раз спросил: «Ты хорошо все обдумала?» — я не выдержала и с вызовом сказала: «Хорошо. Я только одного не поняла: ты с нами или нет? Ребенок — будет! А вот будешь ли ты рядом, мне не важно». Подтверждался худший вариант, и я дала понять Олегу, что не нуждаюсь в нем. Повисла пауза. Он опустил голову. Я даже от отчаяния выругалась про себя: «Ах ты!..» Но в ту же минуту Олег хитро улыбнулся: «Как ты могла сомневаться? Конечно, я с вами».

На следующий день в консультацию мы пошли вместе. Олег был бело-зеленого цвета, курил одну сигарету за другой и все время спрашивал: «Как ты себя чувствуешь? Тебя не тошнит?» Я отвечала: «Дорогой, все нормально. Я не больна — я беременна». Он относился

ко мне очень бережно... Кто появится, мы еще не знали и придумали два имени. Решив назвать сына Кузьмой, Олег так веселился: «Представляешь, родится мальчишка — белый, кудрявый. Я стану всем говорить: «Хотите, покажу вам Кузькину мать?» И буду показывать на тебя». Конечно, был момент мальчишества. Мы не отдавали себе отчета, насколько все серьезно. Хотя рожать я собралась не в самое удачное время. Был 1991 год. На талоны, полученные в консультации, покупала килограмм масла, чай, молоко, кофе, не понимая, зачем он беременным. ЕЭС присылало мясо. Но... Нас не очень интересовало, что происходит в стране. Живя в своем мире, мы не замечали трудностей. И это было самое счастливое время.

— *Интересно, как мама отнеслась к таким резким изменениям в вашей жизни?*

— У нее был шок. Я ведь собралась не замуж — рожать! Мне было 18 лет, мы с Олегом не были женаты и встречались всего три месяца... Представьте картину: мама вернулась с гастролей. Дома ее ждет дочь. Они ужинают, рассказывают друг другу свои новости. И вдруг любимое чадо бодро заявляет: «Мамочка! Дорогая! А ты знаешь, что скоро станешь бабушкой?» Мамочка чуть не подавилась. Испытующе посмотрела: «Это что, шутка?» «Нет, ну почему?» — продолжало чадо веселеньким голосом. Мама перемерила в лице. Не то чтобы она не готова была стать бабушкой. Просто, как взрослый человек, понимала, что это безрассудство. «Ты хорошо подумала?» — последовал уже знакомый мне вопрос. «Не волнуйся, все будет хорошо». — «Что хорошо? Где вы будете жить? На что? Два студента и ребенок... Ужас!» Доля истины в ее словах была: у нас с ней не было даже своей квартиры — приехав из Кишинева, мы какое-то время снимали в Москве жилье. Но я вселила уверен-